Дюк Степанович (2)

Из той из Нижной Малой Галицы,
Из той Корелочки да из богатоей,
Выезжал-то на добром коне, на троелеточке,
Молодой Дюк да сын Степанович,
Выезжал на горы на высокия,
На ти на шóлони окатисты,
Он смотрел-глядел на вси на дальны стороны
Из той из трубочки подзорноей.
Сперва смотрел под сторону под северну —
Видны — стоят там ледяны горы;
После смотрел под сторону восточную —
Там видно: стоят да леса темные;
После смотрел под сторону под летную —
Там видно: стоят да поля чистыи,
Видно: стоит там стольной Киев-град;
Затим смотрел под сторону под западну —
Там видно: стоят да моря синие,
Там плавают гуси-лебеди
На тихих вёшных заводях.
Оттуль молодой да поворот дает,
Приезжат назад во Нижну Малу Галицу,
Во Корелочку да во богатую,
Ко той ко матушке ко родимоей,
Честой вдове Омельфе Тимофеевне.
Пал Дюк тогда матушке во резвы ноги,
Просит у ней благословленьица съездить в Киев-град.
Не дават ему мать благословленьица.
Он и падат ей да во второй након,
Говорит сам таково слово:
«Ой еси, матушка родимая!
Дай мне-ка благословленьице от буйной главы до сырой земли
Съездить в Киев-град,
Посмотреть князя Владимера».
Не дает ему матушка благословленьица.
Падат Дюк да во третéй након

И говорит ей таково слово:
«Уж ты дашь — поеду и не дашь — поеду».
Говорит ему Омельфа Тимофеевна:
«Уж ты ой еси, дитятко родимое,
Молодой Дюк да сын Степанович!
Молодешинёк ты, зеленёшинек».
Но дала ему благословленьицо от буйной главы до сырой земли.
Стал тут молодец снаряжатися,
Стал сподоблятися ехать в стольной Киев-град.
Говорит ему матушка родимая,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна:
«Когда ты приедешь в стольной Киев-град
И будешь на честном пиру, —
Княженевски пиры злы-омманчивы —
Дам тебе я перстя́ночки барановы,
Подари ты старому казаку Илье Муромцу».
Говорит ей молодой Дюк да сын Степанович:
«Как узнаю я Илью Муромца?»
Говорит ему Омельфа Тимофеевна:
«Когда приедешь ты в стольной Киев-град
Ко той ко грине княженевскоей,
Все уйдут во божью церковь.
Приезжай и ты ко божьей церкви
И заходи во божью церковь —
Крест клади по-писаному,
Поклон — по-ученому,
Поклонись на вси четыре стороны,
Подойди на право кры́лосо,
Служат тут обенню воскресенскую;
Простой ты службу воскресенскую,
Подойди к дверям церковным;
Пойдет народ из божьей церквы:
Сперва пойдут мешшана пригородныи,
Затем пойдут хрестьяна православныи,
Затим купцы, люди торговые,
И тогда пойдут руськие бога́тыри,
Позади всех идет стар казак Илья Муромец,
Перстянки эти ему в любы́ придут;
Тогда, куда он пойдет,

Туда тебя за собой поведет».
Простился с матерью родимоей
Молодыя Дюк да сын Степанович,
Поехал тогда в стольной Киев-град.
Едет здраво поле чистое,
Здраво едет лесы темныи,
Приезжат тогда в стольной Киев-град,
Приезжат ко грине княженевскоей.
Князь ушел во божью церковь,
А за ним все русские богатыри.
Приезжат Дюк ко божьей церкви,
Слезава́т со добра коня,
Вяжет коня к дубову столбу
И заходит тогда во божью церкву.
Богу тогда он да молится,
Поклон кладет по-писаному,
Крест — по-ученому,
На вси стороны покланяется,
Приходит на право крылосо,
Слушат обедню воскресенскую.
Потеснил он на правом крылосе
Чурила млада Пленковича.
Не стерпливой на то Чурило был,
Говорит тогда Чурило Пленкович:
«Что это за такой за балбан пришел,
Совсем сучьём необтесанной?»
Говорит ему Дюк сын Степанович:
«Не то ныньче поют, да не то слушают,
Поют и слушают обедню воскресенскую».
Подходит Дюк да сын Степанович
Ко тем ко дверям ко церковныим,
Пошел народ из божьей церквы:
Сначала пошли хресьяне православныи,
Затем пошли мешшане пригородныи,
Затем пошли купцы, люди торговые,
Тогда пошли русские бога́тыри,
Позади всех идет стар казак Илья Муромец.
Подарил Дюк перстяночки Илье Муромцу,
Принимал стар казак Илья Муромец перстяночки,

В любы́ пришли ему перстяночки барановы,
И ведет удала добра молодца, куда сам идет.
И пошли все русские богатыри
К тому ко князю ко Владимеру
На тот да на почесен пир.
Садит их солнышко Владимер-князь за дубовы столы.
Водле ся садит стар казака Илья Муромца,
Добра молодца за передний стол.
Сидят все они на чесном пиру,
Пьют, едят чего Бог послал;
Все стали они пьянешиньки,
Все стали веселешиньки,
И молодыя Дюк да сын Степанович
Стал пьянёшинёк да веселёшинёк.
Сидит он — колачик бел-крупищетый поламыват,
Середочку колачика закусыват,
Верхню корочку на стол кладет,
Испонню корочку под стол кидат
И говорит таково слово:
«У нас во Нижной Малой Галиче,
Во Корелочке богатоей,
У матушки родимоей,
Честной вдовы Омельфы Тимофеевне,
У нас — колачик ешь, другой хочется, третий просится;
Подики у нас менные,
Дровца были соломенны,
А у вас верхняя корка пахнет сосенкой,
А исподня пахнет гнилкою».
Говорит на это Чурило млады Пленкович:
«Что это за такой богач пришел?
Над тобой, над князем, гость ломается,
Над божьим даром изгиляется».
Подходит Чурило к Дюку Степановичу:
«Давай, ударимся об велик заклад,
Которой которого платьем цветным перещепат».
Говорит на это Дюк Степанович:
«У тебя дело домашнее,
У меня дело заезжее —
Дай сроку на суточки

Съездить по платье цветное».
Дават ему Чурило время срочнаго на суточки,
Ударились во велик заклад,
Не во́ сто рублей, не во ты́сячи —
О своих да буйных головах.
О Чуриле поручаются бояры толстобрюхие,
О Дюке — стар казак Илья Муромец.
Писал тут Дюк Степанович
Ярлык-скору грамоту
К своей родимой матушке,
Честной вдове Омельфе Тимофе́евне,
Чтобы послала матушка родимая
То платье чветное,
Которое оболока́л трижды в год.
И пошел Дюк на улицу ко добру коню,
Кладет ярлык в седёлышко черкальчето
И отправляет во Нижну Малу Галичу.
Побежал его добрый конь во Нижню Малу Галичу.
Увидала его Мамельфа Тимофеевна через окошечко хрустальное,
Прочитывала ярлык-скору грамоту
И вложила платье самоцветное в седёлышко черкальчето,
И отправила коня назад в стольный Киев-град.
175Наредились тогда оба боярина
И хочут идти во божью церковь;
У обеих платье у них хорошоё —
Провел рукой правой Дюк Степанович по белы́м грудям,
По тем по пуговкам вальяжним,
И заревели его пуговки вальяжние
Всеми разными голосами,
Как во чистом поле серы волки завояли.
Провел и Чурило Пленкович по белым грудям,
Но не заревели у него пуговки.
Пошли они ко князю Владимеру,
И говорит Дюк сын Степанович:
«Уж ты ой еси, стар казак Илья Муромец!
Что я стану с Чурилой делати?»
Говорит тут стар казак Илья Муромец:
«Во первой вины Бог простит».
Говорит тут Чурило Плёнкович:

«Давай ударимся об велик заклад,
Не во сто рублей, не во тысячу —
О своих ле буйных головах:
Давай скакать через Непр-реку?»
Ударились об велик заклад,
Садились они на добрых коней,
Говорит Чурило млады Пленкович:
«Скачи ты первой, Дюк Степанович».
Говорит Дюк Степанович:
«Которой накликат, тот наперед ступат».
Погонил Чурило и середка реки конь его обрюшился.
Разгонился тогда и Дюк Степанович,
Схватил Чурило за желты кудри
И вытащил на берег с его конем.
Говорит Дюк Степанович:
«Ой ты ой еси, стар казак Илья Муромец!
Что я нынчи над Чурилой стану делати?»
Говорит стар казак Илья Муромец:
«Во первой-то вины его Бог простил,
Во второй вины ты прости».
Чурило был роду заплывчива:
«Давай ударимся еще о велик заклад?»
Поручилися о Чуриле князья и бояры,
А о Дюке — стар казак Илья Муромец.
Пошел Чурило млады Пленкович
Во те во лавочки торговыя
Купить чернил на пятьсот рублей
И бумаги на тысячу,
Собрали писарей и пошли описывать животы.
Писали, писали, описали бумагу, чернила,
Поежжают они во Нижню Малу Галичу
И видят, что будто огонь горит,
А это Дюков высок терем стоит, лучи мечет.
Ходит у крута крыльца работница.
Слезава́ют они со добрых коней
И работнице низко кланяются:
«Здравствуй ты, Омельфа Тимофеевна!»
Говорит им работница:
«Я не Омельфа Тимофеевна, я ее служаночка,

Омельфа Тимофеевна во божьей церкви;
Когда она пойдет из божьей церквы,
Впереди ее идут сукно стеля́т,
Позади трубу вертят,
Подле бок идут куфарочки,
На ней платье не погнется».
Заходят эти писаря в высок терем,
Затим повел их Дюк на конюшен двор
Писать заводы лошадиные.
Писали они заводы лошадиные,
Издержали бумаги на пятьсот рублей, чернил на тысечу;
Заходили они тогда да во высок терем,
Принесли им братынечку позолочену,
А у ней, братынечки, семьдесят семь рожков,
Из каждого рожка бежат напитки разныи.
Не могли ей дать цены оценщики.
Говорит тогда Омельфа Тимофеевна:
«Заложит пущай солнышко Владимер-князь стольной Киев-град
И тогда приедет животы мои описывать».
Возвратились тогда писаря и оценщики в стольной Киев-град.
Говорит тогда Илье Муромцу Дюк Степанович:
«Что я буду над Чурилою теперь делати?» —
«Ой ты ой еси, Дюк Степанович!
Пусть он будет меньшой брат, а ты старшой,
А впред не хвастает».

(Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1901 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от Поздеева Петра Родионовича, 65 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.